

Книга как поступок

Из выступлений на Втором всероссийском форуме молодых писателей
(Челябинск, 12-14 апреля 2024 г.)

Нина Ягодинцева

Феномен книги в переходную эпоху

Культуролого-полемическое эссе

Тема книги является сегодня не просто актуальной — она для культуры одновременно магистральная, то есть главное направление осмысления, и рубежная — от того, как мы определяем суть нашей литературной работы, по большому счёту зависит, оставаться ли книге книгой, или она станет забавной безделушкой, предметом коллекционирования странных людей, ретрогадов и противников прогресса и даже поделочным материалом для очумелых ручек.

Давайте обозначим для начала координаты нашего осмысления. Откуда куда устремлена переходная эпоха, как изменяется значение книги на этом переходе, какие варианты перспектив нас с книгами ожидают, и что мы можем и, очевидно, должны предпринять сегодня?

На протяжении последних пятидесяти лет мы отчётливо видим два важных социокультурных рубежа. Первый — тысяча девятьсот девяностые годы, второй — две тысячи двадцатые.

Сначала retrospectively о девяностых, когда произошла резкая смена государственной идеологии: пришедшая на смену коммунистической либеральная идеология стала транслировать свои ценности через либеральную литературу и систему издательств, премий, ярмарок, книготорговли и рекламы.

Остальная литература была отпущена на самотёк и самиздат и к началу двухтысячных превратилась в «дикое поле», где островки традиционной патриотической литературы (плюс небольшие стойкие издательства и более чем скромные премии, ярмарки) с трудом удерживаются профессиональными писателями под нарастающим напором воодушевлённой литературной самодеятельности.

Как изменяется при этом статус художественной книги? Малая часть книг либерального

толка (идеологически и эстетически заточенная на эгоизм, вседозволенность, приоритет потребления в противовес труду и творчеству и, в итоге, как мы сейчас видим, на разрушение человеческого в человеке и прямого яростного человеконенавистничества) — так вот, эти книги маркируются как настоящие (и для них — издательства с гонорарами, премии, ярмарки, реклама), а всё остальное — то самое «дикое поле», на котором режутся графоманы, и обращать на них внимание не стоит.

Именно на этом «диком поле» и происходили до недавнего времени два противоположных процесса: самоорганизация литературного дела как осмысления реальности, где книга выполняла свою прямую функцию в общественном диалоге, — и разрушение литературы бесконечной профанацией, где книга стала атрибутом, формальным подтверждением формального статуса «писателя». В этой борьбе, пусть сначала не слишком заметно для нас, но сегодня уже более чем очевидно, и менялись общественный статус книги, отношение к чтению, изменялись сами писатель и читатель.

Мы не будем сейчас пристально рассматривать сторону читателя и его глобальные проблемы. Упомянем только умножение и усиление информационных потоков, нарастающую эмоциональную агрессию, тотальную манипуляцию, подмену вербального (словесно-творческого) визуальным (картинкой), цифровой соблазн механизации мыслительного труда и многие другие факторы, которые обрушились на нас и привели к тотальному поредению читательских рядов. И нет, наверное, собраний, на которых об этом не говорят.

А вот писательские ряды выросли катастрофически. И это действительно катастрофа, заслуживающая пристального рассмотрения. В своих рассуждениях и оценках мы будем исходить из того, что литература — это произведение письменности, имеющие общественное значение.

Первым действием в начале девяностых по уничтожению общественного статуса книги стало разрешение самиздата. Издательства, прежде выполнявшие экспертизу общественной

значимости произведений, стали производить оценку финансовой состоятельности заказчиков печатной продукции: любой каприз за ваши деньги. И их трудно винить за это, ибо рынок и по-другому не выжить. *Издательская деятельность стала преимущественно рыночной услугой. Экспертная оценка общественной значимости произведений была отменена.*

И буквально за десять лет целенаправленная профессиональная писательская деятельность практически растворилась в литературной самодельности, ибо той по факту оказалось не просто больше, но всё больше и больше, ведь быть писателем — престижно! Граница между писателем и тем, кто просто умеет писать и даже просто не умеет писать, стёрлась.

Культурологами, кстати, предполагалась одна из возможных моделей развития нашей цивилизации: островки высокотехнологичного развития, благополучного существования счастливых, здоровых, долго живущих избранных — и «дикое поле» с необходимыми ресурсами вокруг. Узнаёте? Эта модель сегодня уже реализована в литературе.

Но как оправдать агрессию нелитературы и поглощение ею литературы? Очень просто. Либеральной идей самовыражения. Соблазн самовыражения опирается на один из базовых инстинктов: выделиться, привлечь к себе внимание, доминировать в информационном поле. «Сколько у вас писательских билетов?» — спросила меня дама на фестивале в Тюмени. «Один», — удивлённо ответила я. «А у меня — восемь!» — дама посмотрела на меня снисходительно-сочувственно и отвернулась.

А что плохого в самовыражении? — спросите вы. Ничего плохого нет, только вот литература — это не монолог о себе, это диалог о том, что важно для собеседников. И если в диалоге один бесконечно самовыражается (а сегодня всё чаще и просто нецензурно выражается), не слыша никого вокруг, то зачем это собеседнику? *Книга из осмысленной реплики в общенациональном диалоге превратилась в монолог, который интересен только самому автору и, в некоторых отдельных случаях, его платному психотерапевту.*

Но и это далеко не всё, ибо рынок в поисках прибыли постоянно требует инициативы. Появилось огромное количество услуг по изготовлению писателя из вашего материала. Говорим это с горьким сарказмом: мы же понимаем, что каждый человек уникален, и его жизненный опыт, пусть даже самый скромный, его размышления и выводы интересны, а порой могут быть и важны для многих, но именно в литературном выражении — осмысленном, внятном, связном. Будучи выражен косноязычно, мир уникальной человеческой личности становится гротескным, пародийным, жалким — по сути, он уничтожается

и уничтожается, но на рынке решающее значение играет прибыль, полученная в результате оказания определённой, не слишком трудоёмкой услуги.

Если в первые годы советских пятилеток стартовал призыв ударников труда в литературу и над этим в своё время вволю посмеялись, а потом благополучно забыли, то сейчас работает призыв более-менее (а лучше — более) состоятельных людей на рынок околуписательских услуг.

Помните анекдот: машину купил, права купил, а где купить ездить?.. Так вот, на литературном рынке продаётся уже и «ездить», то есть писать. *Сам повод, первопричина появления очень многих книг сегодня — не наличие смысла, которым ты обязан поделиться с собеседником-обществом, а желание почувствовать себя писателем, поэтом и скромные или нескромные возможности издаваться.* Так порешал рынок. Хотите стать писателем? Что — писать не умеете? Ну буквы-то знаете? Ну и отличненько. Платите, а мы вас будем мотивировать. И всё это на полном серьёзе.

Маленький нюанс: мы говорим сейчас о том, что поглощает, унижает, уничтожает литературу как осмысленную деятельность, сложную, мучительную и чаще всего неблагодарную работу по осознанию реальности.

Не будем обсуждать саму необходимость литературно-творческой учёбы: здесь собрались специалисты, чтобы поделиться опытом воспитания и формирования творческих личностей, а не кучи от литературы и не менеджеры продаж.

На минуту оглянемся на читателя: даже если он вдруг оторвался от гаджета в поисках ближайшей библиотеки, то, увидев всё, о чём сказано выше, он в ужасе снова уткнётся в телефон. Что читать в этих книжках-то? Где найти собеседника, как отличить писательский труд от самолюбования?

Но рынок рулит. Коммерческие союзы писателей, продажа орденов и грамот, премии специально для графоманов... И мы думаем, это проходит для литературы бесследно? Не будем так наивны. Да, всегда существовали таланты и была проблема графомании — но никогда не было такого количества текстов низкого качества. Текстов, перелопачивающих штампы, спотыкающихся о собственные знаки препинания, задыхающихся в петлях вычурного синтаксиса... Всё это прекрасный повод отменить литературу вообще.

И вот наступают штормовые двадцатые. В существенной степени они штормят оттого, что предыдущий период был периодом обесмысливания, обезлитературивания. Книга (хоть электронная, хоть бумажная) стала делом сугубо личным. Сегодня я хочу шубу, а завтра захочу книгу — какая разница? Да никакой. Главное — хотеть.

А между тем — как важно сегодня понимать, что происходит, осмысленно действовать, объединять множество разрозненных воль в единую волю народа к жизни, поддерживать и воодушевлять павших духом, преодолевать неизбежные теперь уже катастрофы, сохранять и умножать любовь, учить детей, наконец, тому, что даст им шанс выстоять в этой глобальной передрыге и обжить неизвестное пока будущее...

Вы уже обратили внимание, что начинается этот ряд действий с осмысления, прямой задачи литературы. Нужна как воздух книга-собеседник, книга-советчик, книга-друг... Нужно умножение жизненного опыта и пробуждение пассионарности — мы же помним, как говорил о писательстве (и опосредованно о чтении) наш земляк — Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот где настоящая жизнь и настоящее счастье». Добавим от себя: и рождается оно в диалоге писателя и читателя.

Вокруг штормит всё сильнее, но наши приключения продолжаются. В игру вступают цифровые технологии, они предлагают нам стремительные коммуникации, благодаря которым первыми объединениями... да, вы угадали — производители нелитературы, поскольку пишут они много, издаются стремительно, создают для себя систему общения, где раздаются плюшки, медальки, титулы — всё это очень приятно коллекционировать — и в итоге оккупируют и союзы профессиональные. Тут на подмогу к ним и искусственный интеллект подоспел. Лень писать пейзаж, портрет, выстраивать диалог между героями — заложить исходные параметры в компьютер, как продукты в мультиварку, нажать кнопку, что-то там погудит, булькает — и готово. А пока гудит и булькает, можно поразмыслить о собственном величии.

О полной профанации общественно важного литературного дела свидетельствует и тот факт, что на литературно-творческом рынке (простите меня за эту жёсткую формулировку реального процесса) доминируют следующие услуги: писательский марафон «книга за девяносто дней», подороже — «книга за шестьдесят дней», и вот уже читаем манифесты отчаянных во «вконтакте» (передаю не дословно, но смысл точен): «Только не останавливайте меня, знаю, что получится ерунда, но я хочу написать книгу за шестьдесят дней, и я сделаю это!» Множатся курсы и мастер-классы: «как продать», «как продвинуть», «как набрать сто тыщ миллионов лайков»... Ну надо же чем-то заниматься, пока джипити-чат живёт тысячью жизней вместо тебя, описывая пейзажи, портреты героев, сочиняя диалоги и прочую текстовую тягомотину... Вот так рынок в итоге порешил и литературную учёбу, превратив её в литературную торговлю.

А с какой стати такая яростная атака на литературную самодеятельность? — спросите вы. Да потому, что в сплошном потоке текстов катастрофически снижается общая планка литературной работы — в том числе и профессиональной. Кажется, она уже где-то под плинтусом, и вот на профессиональных писательских сайтах критики и комментаторы возносят в ранг поэзии графоманию и бессмыслицу, авторитетом наступая на горло изумлённым читателям.

Вот прямо сейчас происходит известный многим внутренний конфликт в одной из лучших писательских организаций страны. И вмешаться бы, с буквами в руках доказать, что твои давние друзья и коллеги правы, но... Другая сторона просто взяла и грамотно разобрала, публично проанализировала несколько стихотворений своих оппонентов. И сказать ей, этой стороне, в ответ, что это хорошие стихи, не получится. Потому что она права: слабо, небрежно, безответственно. И скандал покатится дальше.

А что читатели?

Чума на оба ваши дома, — скажут они. Самые преданные возвратятся к классике, самые любознательные поймут, что ловить в море букв литературу — занятие бессмысленное, самые неприязнательные будут читать то, что есть, и думать, что это духовная пища (и таких из малого числа читателей вообще — большинство). А мы давайте в стомиллионный раз обсудим, почему народу не нужны наши книги. Нам же тоже надо чем-то заниматься...

Первая и большая часть моего доклада получилась трагической — до смешного, до абсурда, — но это реальное положение вещей. Пора понять, что пришла совершенно другая эпоха — жёсткая, смертельно опасная, эпоха аскезы и напряжённого духовного опыта, время поиска той истины, которая снова объединит нас в народ. Перефразирую мысль одного из наших современников: заменив гражданское самосознание потребительским, мы потеряем себя как народ, как общность, а в одиночку сейчас не выжить точно.

Поэтому книга — ваше личное высказывание в общественном диалоге — снова должна стать поступком. В любом масштабе — от личного лирического до общечеловеческого, ведь внутренний Космос соразмерен внешнему и соответствен ему. Давайте разберём, что это за поступок, в чём его суть.

Первое — *общественная значимость высказывания*. Ну вот представьте себе: вцепился в ваш рукав назойливый собеседник и говорит-говорит что-то про дороговизну, скандалы с соседями, сплетни какие-то. Делится впечатлением от сериала, о котором вы знать не знаете... Для чело- века, может, важно высказаться, душу облегчить, самовыразиться край как нужно — а у вас своего

груза на сердце хватает, и людей этих, и сериалы, о которых вы, вы не знаете, и времени жалко... Не о чем говорить. Представили? Это отношение читателя к книге, которую называют обычно «домашняя радость».

Второе — *форма высказывания*. Если человек, только отошедший от мусорного бака, заговорит с вами бессвязно-путано, безграмотно, или бесцеремонно-грубо, или — того хуже — матом, вы постараетесь как можно быстрее выйти из этого общения, иногда даже полицию вызывать приходится — не из-за безграмотности собеседника, конечно (а жаль!), а от невозможности защититься самому и защитить близких. Представили? Это отношение людей к книгам безграмотным, эпатажным, ядовито-агрессивным.

Третье — *ценностное основание высказывания*. Когда к вам обращаются с настойчивым предложением поиграть в напёрстки, попробовать небывалые удовольствия, забыться в раскрепощённых отношениях или устроить жестокую потеху — что ответите вы? Согласитесь ли отдать жуликам ценное, подсесть на смертельные иллюзии, вляпаться в грязный разврат или смертельную историю? Безнравственные книги разрушают человека изнутри, но мы настолько дезориентированы в том, что ценно, а что смертельно опасно, что готовы запрещать «Красную Шапочку» за оставление ребёнка без присмотра и жестокое обращение с животными (там в конце волку живот распарывают, извините), подозревать Карлсона в педофилии (он же в расцвете лет!), недавно прилетало и «Каникулам в Простоквашино», потому что ребёнок в деревне живёт один с какими-то животными, а родители в это время отдыхают на море. В детской литературе больше всего скандалов, потому что все ещё понимают: детей надо защищать, а от чего и как — уже непонятно. Во взрослой литературе то же самое происходит тихо: считается, что взрослый человек способен разобраться и защитить себя сам. Но, судя по тому, от чего он защищает своих детей, — и тут всё очень печально.

Подождим: чтобы совершить поступок, чтобы поступок состоялся, надо глубоко чувствовать и отчётливо *понимать, насколько важен наш повод для высказывания*. Нужно высказаться настолько внятно, чтобы нас поняли — то есть на чистом и красивом русском, башкирском, осетинском — любом прекрасном родном языке. А этому надо учиться — трудно и довольно долго. И, наконец, главная составляющая поступка — ценностное основание: выплёскиваем ли мы в мир тьму и хаос собственной души, как грязную воду из окна на головы прохожих, продаём ли мы призрачный свет смертельно опасных сегодня иллюзий, соблазняем и развращаем? Или несём выстраданный свет, хотя бы малую искру, которая, сливаясь с другими, с внутренним светом

читателя, сможет осветить бурное пространство жизни, выручит, удержит, подскажет, спасёт?

В начале мы сказали, что у либеральной литературы с книгами всё было в шоколаде. Да — до недавнего времени. Теперь она не нужна, потому что с треском обанкротилась обслуживаемая ею идеология. Время уже изменилось. А мы — ещё нет. Давайте совершать поступки.

Анастасия Порошина

Книга и современный читатель

.....

Книга как явление в начале двадцать первого века пережила существенную трансформацию. Она перестала восприниматься как источник информации, так как информационные потоки теперь сфокусированы в интернет-пространстве.

Исследователи теории социальной коммуникации видят в этом естественную эволюцию: казалось бы, что плохого в том, что новый канал информации, возникший в момент информационного скачка, когда предыдущие каналы уже не справлялись, отодвинул на второй план избывший себя формат? Но исчерпала ли весь свой потенциал книга? И нужна ли она сегодняшнему читателю?

В книжных магазинах читатель сталкивается с обилием книг, броских и ярких, но благодаря маркетинговому уловкам у него в руках оказывается пустышка. Цель издательства — продать быстро и извлечь максимальную прибыль, собственно литературная ценность здесь даже не вторична.

Отсюда разочарование. И парадоксальная история: книг много, много магазинов и издательств, книги бросаются в глаза, тянутся в руки. Но при этом читатель чувствует себя обманутым, в очередной раз попавшись на низкокачественное издание.

Подобное происходит и в библиотеках. Продвижение книги и чтения — главная тема всех конференций, методических сессий, массовых мероприятий. Но при этом книга в библиотеке зачастую отходит на второй план. Всё чаще от современных специалистов мы слышим попытку откреститься: наша библиотека не про книги, это не книгохранилище, это место досуга, развлечения, применения информационных технологий... Книга становится дежурным декоративным элементом, частью антуража. Книги подвешивают для оформления инсталляций.

Книги используют как материал для декоративно-прикладного творчества. Из книг, наконец, вырывают листы, чтобы создать образец так называемой блэкаут поэзии. Цитирую:

«Блэкаут поэзия — это уникальная форма поэзии, при которой существующие письменные произведения, такие как книги, газеты или журналы, используются для создания новых произведений искусства. В затемнённой поэзии автор выбирает слова и фразы из оригинального текста и затемняет остальное, создавая новое стихотворение или прозу, в результате чего часто получается произведение, заставляющее задуматься. Эта форма письма набирает популярность среди творческих людей всех возрастов и профессий. В наше время blackout поэзия приобрела популярность как форма самовыражения и как способ по-новому и творчески взаимодействовать с литературой»¹.

Это описание одной из распространённых форм так называемого самовыражения так называемых творческих людей действительно заставляет задуматься. Что сегодня подразумевается под творчеством — под сотворчеством автора и читателя, если уж на то пошло? Человек (как назвать его читателем?) вместо того, чтобы прочитать и понять текст, ищет «знакомые буквы», слова, которые ему понравятся, а остальное зачёркивает. Хотя, в принципе, это вполне логичный ответ на книжмонологах, где автор не пытается вступить в диалог с читателем. Когда книга и читатель не говорят друг с другом, а только каждый о своём, когда читатель не слушает и не слышит.

Это напоминает ситуацию, когда ребёнок разбирает, разламывает игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены. Этап познания мира через деструктивные действия. Читатель — как социальная категория — вернулся в «детство», он снова ещё не знает, что можно делать с книгой, для чего она. И библиотеки вместе с ним. Поэтому библиотеки вместе с читателями строят из книг ёлочки, подвешивают их к потолку, вырезают из них поделки, вырывают страницы и закрашивают слова.

В библиотеках также распространена форма представления книги через материализацию, овеществление (инсталляция из предметов, связанных с сюжетом книги, погружение в художественное пространство книги через гастрономические элементы — блюда из книги, через событийный ряд — бал, маскарад и так далее). И эта форма — тоже потакание читательскому инфантилизму. Вот в книге написано про клюкву — а давайте её попробуем, чтобы читать книгу и чувствовать вкус клюквы, о котором писал автор.

¹
Что такое блэкаут поэзия, и почему вам стоит это попробовать?//Penfox: сайт. URL: <https://penfox.ru/blog/chto-takoe-blackout-poeziya/>

Путь читателя к книге непрост, это эволюция — развитие от пользователя до читателя. Именно об этом дискуссия в профессиональном библиотечном сообществе: как называть «человека, приходящего в библиотеку»? Пользователь, как сегодня общепринято говорить в библиотеках, — то же, что и потребитель, он потребляет, использует информацию. Эта роль не предполагает активности, она находится в русле всеобщего потребительства. В то время как читатель — это человек, вступающий с автором, с книгой в отношения сотворчества. Роль читателя предполагает инициативность, развитие, диалог. Но сегодня в терминологическом поле читатель низведён до уровня пользователя, из взаимодействия читателя с литературой в рамках библиотек исключено сотворчество, остаётся только потребление.

И библиотеки здесь сталкиваются с проблемами: в первую очередь — со множеством печатной продукции, в которой так непросто найти Книгу. А также с тем, что показатели эффективности библиотек — это массовая посещаемость, количество посетителей, а не качество чтения.

Определяя книгу через систему потребительских ценностей, мы приходим к тому, что она становится предметом роскоши (вроде бы привлекательный, довольно высокий статус) — предметом, имеющим материальную ценность, но не обязательным, без чего вполне можно обойтись. А можно ли и нужно ли обходиться без книги? В материальной парадигме существования — вполне. В духовной — невозможно.

Итак, как же можно охарактеризовать современного читателя? Чаще всего он, находясь в постоянном информационном потоке, ошибочно уверен, что всё необходимое уже получает. Он не ощущает свою потребность в книге, а если ощущает — видит, что книжный рынок не в состоянии её удовлетворить. Он уходит от чтения как от непродуктивного занятия, и библиотеки, вместо того чтобы возвращать его к силе слова, заманивают развлекательными мероприятиями, «праздником непослушания» — возможностью делать то, чего делать нельзя, и при этом чувствовать себя «творческим человеком» (та же блэкаут поэзия).

Современный читатель более-менее умеет справляться с информационными потоками, но нуждается в системе нравственных координат, определение которых всегда брала на себя русская литература. Сегодня в общем пространстве, которое мы называем литературным, довольно трудно найти верные координаты. Особенно в ситуации, когда «самовыражающиеся» авторы отстаивают своё право на абсолютную свободу и «никому ничего не обязанность».

Читателю книга нужна не для новых знаний, опыта, бегства от реальности, проведения досуга — информацию мы «гулим», опыт мы «черпаем»

у блогеров (любопытная тенденция — для блогеров сбор своих текстов и оформление их в книгу расценивается как повышение социального статуса), от реальности мы скрываемся в компьютерных и видеоиграх. И досугу посвящена целая индустрия, требующая гораздо меньше усилий, чем чтение.

Сегодня, чтобы привлечь читателя, книга должна стать собеседником, особым пространством общения. А это значит, она должна быть цельной, обладать своим характером, своими законами, своей аксиологической системой.

Читателю нужна книга — да, прежде всего как стимул личного, творческого развития. Как духовная пища — не знание, не информация, но нравственная, аксиологическая система с эстетической, художественной составляющей. И деятельность библиотек на практике должна быть переориентирована с удовлетворения информационных потребностей пользователей на формирование и развитие у них духовных потребностей, а соответственно и содействие духовному росту читателя.

Одной из самых продуктивных форм продвижения книги является встреча с автором в библиотеке. Это представление книги от лица того, кто знает её лучше всех — кто её создал. Но подобное мероприятие может быть эффективным и привлечь читателя только в том случае, если автор осознанно выстраивал книгу, а не просто «сложил» туда всё написанное за определённый период. Тогда — если книга состоялась, автор знакомит читателей с ней, становится проводником по её тропам, показывает секреты и чудеса. Книга становится и ближе, и привлекательнее.

Впечатление, произведённое автором, накладывается и на восприятие издания.

В качестве положительной тенденции надо отметить, что громкие чтения (иронично — как в период борьбы с неграмотностью), чтение книг вслух, подготовленное и неподготовленное библиотекарями и самими читателями, выступления и конкурсы чтецов сегодня становятся всё более и более популярны. Когда книги начинают читать — вслух, в рамках громких чтений, — это воспринимается неожиданно, как откровение: удивительно, их, оказывается, надо читать! Любопытно, что громкие чтения сегодня относят к инновационным формам, хотя это самая что ни на есть традиционная форма работы с книгой. А значит, художественное слово само по себе, безо всяких «костылей» и «танцев с бубном», нужно, востребовано, воспринимается людьми.

И ещё важный аспект: когда художественное слово звучит вслух, становится очевидным его качество. К примеру, когда на конкурсах чтецов участники выбирают популярных в интернет-среде авторов, их тексты, звуча со сцены, явно проигрывают истинной поэзии. Так развивается у современных читателей поэтическое чутьё, чувство поэзии.

Таким образом, на всех, кто занимается литературной деятельностью, организацией литературного процесса, библиотечной работой, возлагается сегодня большая ответственность: читатель и книга должны встретиться, найти друг друга в информационном хаосе. В современном мире есть и прекрасные, глубокие книги, литературные произведения — и истинные читатели, способные открыть их сокровища. И создать для них зону культурного диалога — наша задача.